

ЭВИДЕНЦИАЛЬНОЕ И МОДАЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В КОНТЕКСТЕ ТАКСИСНОЙ ОДНОВРЕМЕННОСТИ ДЕЙСТВИЙ

Т. В. Миллиареси

Лилльский государственный университет, Франция
tatiana.milliaressi@univ-lille.fr

Аннотация. В работе рассматриваются нестандартные употребления прошедшего времени в русском языке при выражении одновременности действий. Прошедшее время выражает при этом как собственно временные, так и таксисные отношения (*taxis*). Другими словами, одновременность действий может быть рассмотрена по отношению к *моменту речи* или по отношению к *точке отсчета* и определяться, соответственно, либо временем, либо таксисом.

Эти употребления форм прошедшего времени глагола могут отражать перцептивный способ восприятия действий или эпистемический. Перцептивный способ связан с чувственным восприятием, эпистемический — с нашими знаниями о мире.

В статье рассматриваются два случая эпистемического восприятия одновременных действий: 1) дезиративные глаголы с глаголами говорения и 2) выражение эвиденциальности. В обоих случаях особую роль играет модальность, т. к. она включает в себя значение субъективности и подразумевает наличие оценки подаваемой информации говорящим.

1) Прошедшее время некоторых употреблений дезиративных глаголов типа *хотеть*, *желать* с глаголами говорения используется для выражения действий, происходящих в настоящий момент, и включает в себя оттенок вежливого обращения к собеседнику.

2) Эвиденциальность (т. е. семантическая информация, указывающая на источник сведений, передаваемых говорящим) связана с отношением говорящего к содержанию своего сообщения и с отсылкой к источнику информации. Обычно считается, что в русском языке нет грамматического выражения эвиденциальности и что она выражается при необходимости

лексически и синтаксически, например, при помощи слов: *мол, якобы, дескать*. В работе предпринята попытка показать, что проявления эвиденциальности, зафиксированные в других языках, но не в русском, могут быть выражены и в русском языке при помощи форм глагола несовершенного вида прошедшего времени, в которых несовершенный вид выражает одновременность, т. е. имеет таксисную функцию, в то время как эвиденциальность выражена абсолютным прошедшим временем и имеет дейктическую функцию.

Оба примера нестандартного употребления прошедшего времени (эвиденциальность и дезиративные глаголы) показывают целесообразность описания временных и таксисных категорий в дискурсивном ракурсе, а также целесообразность рассмотрения порядка следования действий в соотношении не только с относительным временем, но и с абсолютным.

Ключевые слова: эвиденциальность, одновременность, прошедшее время, вид, модальность, русский язык.

Evidentiality and modality: past tense for actions' simultaneity

T. Milliaressi

University of Lille, France

tatiana.milliaressi@univ-lille.fr, milliaressi@free.fr

Abstract. This paper describes non-standard uses of the past tense in Russian for describing simultaneity of actions. Since the past tense can express both temporal and taxis meanings, simultaneity of actions can be considered in relation to the *speech event* or in relation to the *narrated event* and determined either by tense or by taxis, respectively.

These uses of past tense forms may reflect a perceptual or epistemic way of perceiving actions. The perceptual way is associated with sensory perception, while the epistemic way is associated with human knowledge of the world.

The article discusses two cases of epistemic perception of simultaneous actions: 1) via combination of wishing verbs with speech verbs, and 2) via expression of evidentiality. In both cases, modality plays a specific role since it involves subjectivity and implies evaluation of the speaker's information.

1) Combinations of the past tense forms of some wishing verbs like (*khotet* 'want', *zhelat* 'wish') with speech verbs describe actions taking place at the speech moment and have connotation of politeness.

2) Evidentiality, i.e., indication of the source of information transmitted by the speaker, involves the speaker's attitude to the content of his/her message and a reference to the information source. It is generally believed that Russian lacks grammatical expression of evidentiality and it is usually expressed lexically or syntactically, for example, by using words *mol*, *yakoby*, *deskat*.

This article aims to show that grammatical marking of evidentiality, characteristic of other languages, is also found in Russian where past tense forms of imperfective verbs are used to express simultaneity, i.e., have a taxis function, while evidentiality is expressed by the absolute past tense and has a deictic function.

Both examples of the non-standard use of the past tense (as a device to mark evidentiality and taxis) make obvious a need to describe temporal and taxis categories in a discursive perspective, as well as to consider the order of actions in relation to both relative and absolute tenses.

Keywords: Evidentiality, simultaneity, past, aspect, tense, modality, Russian.

1. Введение

В формах русского глагола, как известно, морфологически выражаются вид и время, значения которых часто перекрещиваются. Другими словами, однозначно определить, какие семантические признаки передаются видом, а какие временем, оказывается чрезвычайно сложно. Таксис также оказывается смежной категорией, выражение которой непосредственно связано со значениями вида и времени глагольных форм. Таксисные отношения в дискурсивном плане вообще и реализация функции временного порядка на уровне текста в частности выражаются комбинаторикой видо-временных форм, т. е. чередованием глаголов СВ и НСВ вида, а также обстоятельствами времени типа *затем, через десять минут, до этого...* [Бондарко 2015: 127].

Мне представляется важным понять значение каждой категории в отдельности и проследить, в чем именно заключается роль вида и времени глагола независимо от влияния как обстоятельств

времени, так и любых других коннекторов. Виду посвящена обширная литература, время как таковое рассматривается намного реже и часто представляется как результат взаимодействия с видом. Я рассмотрю в этой статье лишь один из многих временных аспектов, а именно прошедшее время в контексте таксисной одновременности действий. Значение времени и таксиса я буду рассматривать не в рамках предложения, как делается в большинстве исследований по русскому таксису, а на уровне высказывания. Интерес к такому подходу в изучении временного порядка проявлял Бондарко [Бондарко 2015: 128], который подчеркивал «перспективность описания реализации категориальной семантики на уровне высказывания и целостного текста, т. е. описания временных и таксисных категорий в дискурсивном ракурсе». Именно в таком ракурсе я и рассмотрю некоторые нестандартные употребления прошедшего времени для выражения одновременного протекания действий.

Существует, как известно, два вида употребления языковых форм:

- 1) стандартные употребления, т. е. регулярные, парадигматические, соответствующие общему основному определению категории, к которой они относятся;
- 2) все остальные, т. е. нестандартные, периферийные употребления, не полностью удовлетворяющие характеристикам основного определения категории.

К стандартным употреблениям НСВ прошедшего времени обычно относят обозначение одновременности действий типа (1) и (2), когда НСВ ассоциируется с одновременными действиями (1а, 2а), а СВ — с последовательными (1б), (2б):

(1а) *Он сидел и смотрел вокруг.*

(1б) *Он сел и посмотрел вокруг.*

(2а) *Когда я читал книгу, он вошел в комнату.*

(2б) *Когда я прочитал книгу, он вошел в комнату.*

Одновременность действий может выражаться также исключительно обстоятельством времени, как в примере (3а), в котором действия воспринимаются как одновременные благодаря обстоятельству времени *в тот самый момент* и союзу *когда*. Если их убрать, то действия *опустил, нажал* будут восприниматься как последовательные, ср. (3б):

(3а) *Манчестер утверждает, что Освальд не попал в свою жертву только потому, что Уокер, как генерал де Голль в романе Форсайта «День Шакала», неожиданно опустил голову в тот самый момент, когда снайпер нажал на курок.* [А. Воронцов. «Долой клан Кеннеди!» (2003), НКРЯ]

(3б) *Уокер неожиданно опустил голову, снайпер нажал на курок.*

Отметим также, что НСВ не является абсолютным условием для того, чтобы действия интерпретировались как одновременные. Необходимым условием для этого является ситуативная возможность протекания действий одновременно. Ср. примеры (4а) и (4б), в которых действия, выраженные глаголами НСВ, воспринимаются или как одновременные (4а), т. к. они по природе своей могут протекать одновременно (можно одновременно играть на гитаре и петь), или как последовательные (4б), если действия не могут протекать одновременно (невозможно одновременно петь и читать стихи):

(4а) *Она играла на гитаре и пела.*

(4б) *Она пела и читала стихи.*

2. Время и одновременность

Рассмотрим теперь нестандартные употребления, в которых формы прошедшего времени могут играть особую роль для выражения как собственно временных, так и таксисных отношений. Другими словами, одновременность действий может быть рассмотрена по отношению к моменту речи или по отношению к точке отсчета и определяться, соответственно, либо временем, либо таксисом.

Эти употребления форм прошедшего времени (или сослагательного наклонения) глагола могут отражать перцептивный (6, 10) или эпистемический (5, 7, 8, 9, 11) способ восприятия действий. Перцептивный способ связан с чувственным восприятием, эпистемический — с нашими знаниями о мире (см., например, [Vogeleer 1994; de Mulder 2012]). Вот основные типы таких употреблений:

а) дезиративные глаголы с глаголами говорения (эпистемический способ):

(5) *Я хотел вас кое о чем попросить.*

b) перцептивный опыт восприятия статической ситуации [de Mulder 2012]:

(6) *Мы вышли из магазина. Подруга уже жалела, что не купила платье, и со вздохом сказала мне:*

— Красивое **было** платье!

c) выражение эвиденциальности [Milliaressi 2015, §3.3.2]:

(7) *Мы ходили с подружкой весь день по магазинам. Она пригласила меня зайти к ней домой. Мы вошли, но собака не выбежала, как обычно, мне навстречу. Сережи тоже не было дома. Я спросила подружку:*

— Сережа должен **был** гулять с собакой?

d) сослагательное наклонение (эпистемический):

(8) *Если **бы** у меня **было** время, я **бы** непременно занимался музыкой.*

(9) *Я очень хочу, **чтобы ты была** счастлива.*

e) согласование времен (10a) [Храковский 2009, §7; Guiraud-Weber 2004, §3.11.2]:

(10a) *Я смотрел, как дети **играли** в саду.*

(10б) *Я смотрел, как дети **играют** в саду.*

f) логическая связь («родовое понятие / видовое понятие» или «целое / часть»), обуславливающая интерпретацию одновременности действий [Milliaressi 2015, §3.3.4]:

(11) *Он **потолстел** и **обрюзг**.* [пример В. С. Храковского]¹

(12) *Я сегодня **убиралась**: **пропылесосила** и **вымыла** окна.*

Первые четыре случая (a, b, c, d) определяются семантикой времени (т. е. действие в прошедшем времени продолжается в настоящий момент речи), в то время как последние два (e, f) — семантикой таксиса (т. е. тем, что действие соотносится с другими действиями).

¹ Отметим, что этот пример интерпретируется В. С. Храковским как исключение из правила, согласно которому хронологическая последовательность событий выражается цепочкой глаголов СВ и объясняется, с его точки зрения, общей точкой отсчета [Храковский 2009: 19], а не логической связью.

Под основным, обобщенным таксисным значением я понимаю языковое выражение противопоставления действий, длительность которых ограничена временными границами (началом и концом), действиям, не ограниченным временными рамками. Это определение основывается на моих прежних исследованиях [Milliaressi 2015; Milliaressi 2018], посвященных определению семантических примитивов времени, и имеет целью разграничить время и таксис, а также время и вид. Статическое (недейкитическое) время (которое называется в русской лингвистике таксисом) противопоставляется собственно времени, т. е. динамическому (дейкитическому) времени. Это противопоставление основывается на оппозициях семантических примитивов: «лимитативность / нелимитативность» (таксисная оппозиция, соотносящаяся со статическим временем) и «непрерывность / дискретность» (временная оппозиция, соотносящаяся с динамическим временем).

Объем статьи не позволяет мне рассмотреть все эти случаи, поэтому я рассмотрю только два случая эпистемического восприятия одновременных действий: 1) дезиративные глаголы с глаголами говорения и 2) выражение эвиденциальности. Мы увидим, что в обоих случаях особую роль играет модальность.

3. Дезиративные глаголы с глаголами говорения

Прошедшее время некоторых употреблений дезиративных глаголов типа *хотеть*, *желать* с глаголами говорения может использоваться для выражения действий, происходящих в настоящий момент, т. е. соотносящихся с моментом речи:

- (13) *Перед администратором толпилось много народу. Наконец, подняв глаза на меня, он спросил:*
— *Вы что хотели?*

Употребление настоящего времени (*Вы что хотите?*) звучало бы несколько невежливо. Встает вопрос: почему прошедшее время может использоваться вместо настоящего и сглаживает отрицательный оттенок? Прежде чем ответить на этот вопрос, отметим некоторые факторы, ограничивающие употребление дезиративных глаголов:

а) дезиративные глаголы употребляются в прошедшем времени, но относятся к настоящему моменту речи в двух случаях: (i) в контексте первого лица, если это высказывание-утверждение (14);

(ii) после местоимения во втором лице, если это вопрос (15). Исключением являются случаи, когда говорят о присутствующем при разговоре человеке, интересы которого говорящий представляет (например, если отец обращается от имени сына к другому собеседнику) (16). Эти ограничения связаны с тем, что особое значение приобретает отношение говорящего к высказыванию.

(14) *Я давно **хотел** вас спросить...*

(15) *Вы что **хотели**?*

(16) *Мой сын **хотел** с вами поговорить.*

б) дезиративные глаголы в прошедшем времени со значением настоящего могут употребляться только тогда, когда они открывают диалог или новую тему в диалоге, как бы придавая субъективную окраску всему нижеследующему.

Чтобы разобраться в значении прошедшего времени в этом контексте, необходимо вспомнить, что формы НСВ прошедшего времени длительных глаголов вообще (процессуальных или стативных) в русском языке могут в зависимости от контекста интерпретироваться в одном из следующих двух значений:

1) неограниченной длительности, т. е. когда границы действия не фокусируются в высказывании (17):

(17) *Я **работал** над статьей, когда он мне позвонил.*

2) длительности ограниченной, т. е. подразумевающей начало и конец, когда границы действия выражены обстоятельством (18а) либо вытекают из контекста (18б):

(18а) *Я вчера **три часа работал** над статьей.*

(18б) *Что ты делал вчера? — **Работал** над статьей.*

В примерах (5) и (13) длительность действия в прошедшем времени НСВ не ограничена. Непонятно, когда говорящий начал «хотеть», но ясно, что действие еще не закончено и что говорящий по-прежнему хочет задать вопрос или попросить о чем-то собеседника. Здесь можно дать различные объяснения такого употребления формы глагола *хотел* (*хотела*, *хотели*):

1) во-первых, можно предположить, что именно время играет в подобных высказываниях определяющую роль. То есть прошедшее

время имеет модальное значение, отсылающее действие из фактивного мира в мир нефактивный², что позволяет смягчить окраску вопроса или просьбы. Если принять эту точку зрения, следует признать, что возникает дистанция между действием фактивным и нефактивным. Однако без учета семантики видовой формы глагол НСВ прошедшего времени будет обозначать действие, ограниченное временными рамками (началом и концом). В этом случае глагол *хотел* должен обозначать, что желание у говорящего уже прошло, а это не так;

2) во-вторых, можно предположить, что основную нагрузку здесь несет не время, а вид. Другими словами, именно НСВ обозначает действие, которое продолжается в момент речи, но началось до него. Но тогда встает вопрос: почему идентичное значение не может быть выражено настоящим временем? Ведь настоящее время (*что вы хотите?*) не говорит о том, что действие началось раньше, и придает невежливый оттенок вопросу. Значит, наше предположение неверно;

3) поскольку именно прошедшее время несет дополнительную информацию, необходимо ответить и на другие вопросы. Какую? И почему прошедшее время кажется более уместным и смягчает фразу? Вероятно потому, что имеет место именно *неограниченная* длительность прошедшего времени. Ограничение и неограничение длительности действия является, как было уже отмечено, основным таксисным значением. А если длительность прошедшего действия не ограничена, то ее необходимо локализовать не только по отношению к моменту речи, но и по отношению к определенной ситуации в прошлом, которая может выступать как точка отсчета (см. [Kleiber 1993]). Ведь длительное действие, не ограниченное временными рамками, не может существовать, т. к. все имеет начало и конец, но оно может концептуализироваться в языке на основе ситуативных рамок. Из этого вытекает, что необходимо найти событие, предшествующее действию (*хотел, хотели*) и определяющее употребление прошедшего времени.

В примере (13) прошедшее время (*что вы хотели?*) обозначает примерно следующее: ‘я видел, что вы ждете, но не мог заняться

² Под фактивным миром понимается мир, состоящий из фактов. Фреге отмечает [Frege 1956: 307], что «a fact is a thought that is true» (см. [Milliaressi, Vogeleeer 2015: 14]).

вами раньше'. Если употребить настоящее время (*что вы хотите?*), исчезнет значение 'я вас давно заметил', исчезнет временная дистанция между началом действия (когда посетитель начал ждать) и вопросом, который будет означать 'я работал, вас не видел, а вы вдруг неожиданно прерываете мою работу'. Другими словами, *что вы хотите?* передает дополнительное значение, что вас прервали против вашей воли, в то время как вопрос *что вы хотели?* несет информацию о том, что вы сами прервали свою работу по своей воле. Именно то, что вы сами прерываете свою деятельность, и придает более вежливый оттенок вопросу по сравнению с ситуацией, когда вы выражаете при помощи настоящего времени, что вас прервали. Прагматическая функция прошедшего времени сохраняется и в тех случаях, когда говорящий обращается к только что вошедшему человеку.

Следует, однако, отметить, что настоящее время (*Что вы хотите?*) может иметь как отрицательную окраску и означать 'вы меня беспокоите', так и положительную окраску, например: к вам подошел ребенок, вы рады прервать работу и заняться им и спрашиваете его: *Что ты хочешь?* Главное значение в этом случае: 'я прерываю свою работу по своей воле' при прошедшем времени; 'я прерываю свою работу НЕ по своей воле' при настоящем.

Событие, обуславливающее употребление прошедшего времени, каждый раз определяется ситуацией. Так, в примере (5) (*я хотел вас кое о чем попросить*) прошедшее время отсылает к прошлой ситуации, когда говорящий уже думал о своем вопросе, т. е. ситуация примерно следующая: 'то, о чем я сейчас говорю, является результатом длительного размышления'. Другими словами, спрашивающий подчеркивает обдуманый и обоснованный характер своего обращения к собеседнику, а не спонтанный, т. е. он беспокоит собеседника не просто так. Таким образом, прошедшее время придает высказыванию более вежливый оттенок, т. к. просьба оказывается непосредственно связанной с обстоятельствами в прошлом и говорящий косвенно ссылается на эти обстоятельства, чтобы смягчить просьбу или вопрос. Действие представляется в этом случае как продолжающееся в момент речи. При этом если нет обстоятельств в прошлом, локализирующих дезиративный глагол, то и употребление прошедшего времени оказывается невозможным. Так, если на улице вы заметили, что у женщины раскрылась сумка, и вы хотите ее предупредить, чтобы она не оказалась жертвой мошенников, невозможно сказать (19):

(19) **Я хотел вам сказать, что у вас раскрылась сумка.*

Употребление настоящего времени (*я хочу вам сказать, я хочу тебе сказать*) в разговоре несет коннотацию спонтанности реакции говорящего. Например, если кто-то жалуется на несправедливое к себе отношение, можно ему ответить ((20а) и (20б)):

(20а) *Я хочу тебе сказать, что ты не должен так близко принимать все к сердцу.*

(20б) *Я хочу тебе сказать, что ты тоже неправ.*

(20в) *Я давно хочу тебе сказать, что ты часто тоже неправ.*

Пример (20в) не опровергает значение спонтанности, передаваемое настоящим временем дезиративного глагола. Здесь это значение нейтрализуется обстоятельством времени *давно*.

Отметим также, что употребление прошедшего времени с модальными дезиративными глаголами подчеркивает эпистемическую окраску модальности, поскольку связано со знаниями о мире и верованиями говорящего³.

4. Эвиденциальность

Рассмотрим теперь другой случай выражения эпистемического восприятия ситуации в русском языке, а именно эвиденциальности, которая также может в некоторых случаях иметь модальную окраску. Но при этом модальность не является обязательным фактором выражения эвиденциальности, хотя она так же, как и модальность, основана на оценке ситуации говорящим [Milliaressi, Vogeleer 2015].

Обычно считается, что в русском языке нет грамматического выражения эвиденциальности и что она выражается при необходимости лексически и синтаксически, например, при помощи слов *мол, якобы, дескать* [Козинцева 2007а: 14]. Под эвиденциальностью, или засвидетельствованностью, согласно Н. А. Козинцевой [Козинцева 2007б: 37], «понимается область значений, представляющих собой указание на источник сведений, передаваемых говорящим». При этом Козинцева подчеркивает, что эвиденциальность «связана

³ О разных типах модальности см., например, Palmer [1986: 103–104]; Hacquard [2006]; Van der Auwera, Plungian [1998].

с одним из семантических параметров высказывания, отражающих отношение говорящего к содержанию своего сообщения, а именно — с отсылкой к источнику информации» [Козинцева 2007а: 13–14].

На основе типологического анализа категории эвиденциальности в различных языках (но не в русском) Н. А. Козинцева отмечает, что «передача высказывания другого лица может быть сопряжена с выражением собственного эмоционально-оценочного отношения говорящего к передаваемой информации» [Козинцева 2007а: 19]. Я попытаюсь далее доказать, что все эти проявления эвиденциальности, зафиксированные в других языках, могут быть выражены и в русском языке при помощи прошедшего времени и при условии таксисной одновременности⁴. При этом НСВ выражает одновременность, т. е. имеет таксисную функцию, в то время как эвиденциальность выражена абсолютным прошедшим временем и имеет дейктическую функцию.

Рассмотрим примеры типа *Он сказал, что работает здесь* (то, что в европейских языках выражается при помощи согласования времен, см. § 4.1.), т. е. примеры с придаточными после глаголов пропозициональной установки в прошедшем времени: *думать, знать, надеяться, говорить, сообщать, отвечать...* Для выражения одновременности в этом контексте в европейских языках используется прошедшее время, но настоящее тоже возможно (см., например, [Berthonneau, Kleiber 1997]). При этом прошедшее время является немаркированным, а настоящее маркированным, т. е. для употребления настоящего времени нужны дополнительные специфические факторы.

В русском языке для выражения одновременности придаточного после глагола пропозициональной установки в прошедшем времени возможны и настоящее, и прошедшее время:

- (21) *После паузы, так и не дождавшись продолжения фразы, я стал расспрашивать директора [японской школы — Т. М.] о том, как он **относился** к войне, как **отнесся** к капитуляции и т. д. и т. п. Он твердо отвечал, что капитуляцию **рассматривает** не как наказание за агрессию, а как несчастье, что войне он **сочувствовал**, **считал** ее справедливой*

⁴ Отметим, что выражение эвиденциальности в русском языке затруднительно при таксисном предшествовании.

и соответственно этому учил детей. [Константин Симонов, Япония. (1946)]

В этом примере К. Симонов рассказывает о своем посещении в 1946 г. японской школы и о своей беседе с директором этой школы. Симонову было очень интересно знать, как японцы воспринимают поражение в войне и что они об этом думают. Но директору не хотелось говорить об этом, и только после настоятельных расспросов Симонов получил этот ответ.

В этом конкретном случае можно предположить, что действия предикатов *относиться*, *рассматривать*, *сочувствовать*, *считать* и *учить* продолжаются в момент высказывания и после него, т. е. нет оснований считать, что японский учитель поменял свою точку зрения и что все эти действия закончились. Почему же употребляются одновременно и настоящее, и прошедшее время? И какова роль прошедшего времени? Важность употребления прошедшего времени в придаточных, выражающих одновременные действия, после глаголов пропозициональной установки отмечалась в работе [Altshuler 2008]. Однако в ней ошибочно, с моей точки зрения, утверждалось на основе формального анализа, что прошедшее время в придаточном возможно только с глаголами состояния. Мне представляется, что основным условием одновременности является длительность действия, которое может быть и состоянием, и процессом. Так, в примере (21) прошедшим временем выражаются как состояния (*сочувствовал*), так и процессы (*учил*). Что же касается конкретного анализа примера (21), то мы подробнее вернемся к нему позже. Отметим сначала следующую предпосылку нашего исследования.

Существует несколько причин употребления прошедшего времени, соотносящегося с настоящим, и несколько различных частных случаев, которые будут рассмотрены ниже. Мне представляется, что во всех трех случаях прошедшее время в этом контексте одновременности действий имеет общее значение ретроспективной оценки действия придаточного. При этом одновременность выражается видом. Именно поэтому в придаточном возможны и прошедшее, и настоящее время (21). Что же касается прошедшего времени, то оно реализует ретроспективный взгляд на события и приобретает поэтому дополнительное значение ретроспективной оценки ситуации. Поэтому эти значения встречаются чаще всего в нарративном тексте, но не только, что мы и увидим далее на некоторых примерах.

4.1. Относительное и абсолютное время

Известно, что в русском языке согласования времен не существует (см., например, [Падучева 2010: 293]). Оно хорошо представлено в европейских языках с развитой системой относительных времен. Суть его состоит в том, что если главная часть предложения в прошедшем времени, то придаточная должна с ней согласовываться. Для обозначения, например, одновременности, о которой идет речь в этой статье, будет употребляться не настоящее время, как в русском языке (22а), а относительное прошедшее, как в английском (22б) или во французском (22в):

(22а) *Он сказал, что работает здесь уже три года.*

(22б) *He said that he had been working here for three years.*

(22в) *Il a dit qu'il travaillait ici depuis trois ans.*

Таким образом, считается, что если в языках с согласованием времен в придаточной части стоит *относительное* время, то в русском языке нет согласования времен и в придаточной части употребляются времена *абсолютные* [Храковский 2009: 105].

Обычно при этом делается оговорка, что при глаголах чувственного восприятия типа *видеть*, *слышать*, *чувствовать*, *замечать*, т. е. глаголов восприятия при помощи одного из пяти чувств (зрения, слуха, вкуса, запаха, осязания), для выражения одновременности возможны как настоящее, так и прошедшее время:

(23) *Петя видел, как Маша переходила / переходит улицу.* [пример В. С. Храковского]

При этом иногда утверждается, что разницы между настоящим и прошедшим временем нет [Guiraud-Weber 2004: 109], с чем трудно согласиться. Одним из многих различий между ними является точка зрения [Varentsen 1996; Храковский 2009]. Напомним, что В. С. Храковский [2009: 106] объясняет разницу в примере (23) следующим образом:

«Если эта ситуация рассматривается с точки зрения автора текста, то выбирается форма прошедшего времени, а если эта ситуация рассматривается с точки зрения Пети, наблюдавшего эту ситуацию, то выбирается форма настоящего времени».

Если речь идет о нарративном тексте, то можно также противопоставить точку зрения автора точке зрения наблюдателя [Падучева 2010: 293].

Объем данной статьи не позволяет подробно остановиться на согласовании времен в придаточных после глаголов чувств и восприятия в русском языке. Следует, однако, отметить, что одновременность передает здесь не время, а НСВ (именно поэтому возможны и настоящее, и прошедшее время), что роль настоящего и прошедшего времени не одинакова. Настоящее время является здесь временем относительным, а прошедшее — временем абсолютным, т. к. настоящее время связано не с моментом речи, а с точкой отсчета, в то время как прошедшее время глаголов и главного, и придаточного связано с моментом речи, т. е. дейктично. При этом придаточные после глаголов чувств отражают *перцептивное* восприятие действий, в то время как придаточные после глаголов пропозициональной установки характеризуют *эпистемическое* восприятие.

Рассмотрим теперь эпистемическое восприятие действий после глаголов пропозициональной установки, в которых, как мы увидим, прошедшее время не обязательно выражает точку зрения автора, а настоящее не всегда соотносится с точкой зрения персонажа.

4.2. Косвенная оценка действия

Прошедшее время в придаточных после глаголов пропозициональной установки в контексте таксисной одновременности действий выражает, с моей точки зрения, косвенную оценку действия, в то время как настоящее время является нейтральным и не несет никакой дополнительной информации. Другими словами, настоящее время является немаркированным, а прошедшее маркированным (в европейских языках ситуация обратная). Итак, косвенная оценка действия может быть выражена при помощи прошедшего времени либо персонажем (24), либо автором текста (25):

- (24) *Я ворвалась в дом, зареванная, в соплях, но никто ничего не спросил, почему я так **орала**.* [Людмила Петрушевская. Незрелые ягоды крыжовника (1998), НКРЯ]
- (25а) *Вся многолетняя деятельность Ленинградского отделения Детгиза объявлена была диверсионной и вредительской. [...]*
Когда кто-то из присутствующих [на собрании]. — Т. М.]

спросил, почему же группа, поставившая своей целью диверсию, издавала из года в год книги, высоко ценящиеся у нас и за границей, — Криволапов, не смущаясь, ответил: «Это была маскировка!» [Л. К. Чуковская, Прочерк (1980–1994)]

(25б) *Кто-то из присутствующих на собрании спросил, почему группа **издает** из года в год эти книги.*

(25в) *Кто-то из присутствующих на собрании спросил, почему группа **издавала** из года в год эти книги.*

Косвенная оценка действия, как правило, отрицательная. В примере (24) маленькая девочка, которая пережила угрозу насилия, осуждает равнодушие окружающих, когда никто не хотел вмешиваться и предпочитал оставаться в стороне. В этом контексте возможно и настоящее время: *никто не спросил, почему я так ору*. Однако настоящее время описывает конкретный факт, в то время как прошедшее соотносится с отношением окружающих к этому факту.

Подобное различие между настоящим и прошедшим временем наблюдается и в примере (25а), в котором авторская оценка, хотя и положительная ('хорошо, что группа издавала много хороших книг'), но дана в отрицательном контексте осуждения несправедливости и неадекватной отрицательной реакции на положительный факт. При этом отрицательная оценка действия обусловлена в этом примере не только грамматическим временем, но и контекстом несоответствия причины (диверсия) и следствия (книги высоко ценились). Если убрать это несоответствие, выраженное контекстом, настоящее время больше подойдет к нейтральному вопросу, касающемуся конкретного факта (25б), в то время как прошедшее время будет подразумевать наличие сопутствующих имплицитных обстоятельств.

Рассмотрим теперь употребление настоящего времени (*не знает*) в примере (26):

(26а) [Отца Никодима] *потрясло умение маленького Феди Кульбарсова молиться. [...] Время от времени люди, видевшие, как он общается с Богом, с подобными расспросами к нему приставали, но он отвечал, что **не знает**, и видно было, что говорит правду.* [Владимир Шаров. Воскрешение Лазаря. (1997–2002)]

(26б) *Время от времени люди, видевшие, как Федя общается с Богом, приставали к нему с расспросами, но он отвечал, что не знал.*

Настоящее время (26а) объясняется объективностью того факта, что Федя 'не знает'. Это, кстати, подтверждается последующим контекстом: «и видно было, что говорит правду». Если убрать контекст подтверждения незнания Феде и заменить настоящее время на прошедшее (26б), то объективность «незнания» исчезает, а наиболее вероятной интерпретацией становится то, что Федя скрывал какие-либо ему известные обстоятельства либо говорил правду, но ему не верили.

Другими словами, если (i) информация представлена как неправда, если (ii) автор не уверен в ее истинности, если (iii) он не хочет брать на себя ответственность за источник, в русском языке возможно прошедшее время для выражения эвиденциальности. Чтобы доказать это положение, рассмотрим на примерах, как прошедшее время выражает отношение к верифицируемым фактам.

4.3. *Отношение к верифицируемым фактам*

Рассмотрим одно из проявлений выражения эвиденциальности в русском языке, связанное с отношением говорящего к пересказываемым фактам, истинность или ложность которых известна или может быть проверена. Так, например, гномическое высказывание *Земля вращается вокруг Солнца* заведомо истинно, а *Солнце вращается вокруг Земли* является ложным. В примерах (27)–(30) можно отметить особенности употребления настоящего и прошедшего времен в контексте таксисной одновременности при так называемом согласовании времен, т. е. когда глагол главной части стоит в прошедшем времени⁵. Стандартным и немаркированным в этом контексте является употребление настоящего времени, так как оно используется при нейтральном отношении говорящего к факту (27а). Однако существует немало нестандартных употреблений, в которых прошедшее время используется в случае неверия говорящего в истинность приведенного факта (28а) или в случае несогласия

⁵ Если глагол пропозициональной установки стоит в настоящем времени, то глагол придаточного не может выражать эвиденциальное значение из-за конкурентности с собственно временным значением прошлого.

говорящего с подачей общеизвестного факта (29) и эмоционально-окрашенной негативной оценкой (30):

- (27а) *Еще древнегреческий астроном Аристарх Самосский, живший в 3 веке до н. э., пришел к выводу, что Земля **вращается** вокруг своей оси и **движется** вокруг Солнца.* [Все для детей (2013)]
- (27б) *Еще древнегреческий астроном Аристарх Самосский, живший в 3 веке до н. э., пришел к выводу, что Земля **вращалась** вокруг своей оси и **двигалась** вокруг Солнца.*
- (28а) *Пожалуй, проблема в том, что каждый факт, кажущийся непреложным, можно увидеть с другой стороны, и ты увидишь, что то, что мы считаем фактом, можно увидеть совершенно иначе. К примеру, в Средние века люди долго и упорно считали, что Солнце **вращалось** вокруг земли.* [Livejournal (2014)]
- (28б) *Пожалуй, проблема в том, что каждый факт, кажущийся непреложным, можно увидеть с другой стороны, и ты увидишь, что то, что мы считаем фактом, можно увидеть совершенно иначе. К примеру, в Средние века люди долго и упорно считали, что Солнце **вращается** вокруг Земли.*
- (29) *Согласно тому, как любили подавать материал в школе, в мракобесном прошлом царил кошмар и ужас. [...] И только подвиг великих подвижников [...] разорвал оковы Тьмы и привёл к торжеству науки. Такими подвижниками называли Коперника, Бруно и Галилея. Мол, именно они доказали, что Земля **вращалась** вокруг Солнца, и погибли за свои убеждения... [...] Тем не менее в иницишированном мной опросе [...] как бы подразумевалось, что нужно озвучить реальную версию, а не ту чушь, что давали в школе.* [Виталий Зыков. Джордано Бруно и опрос на странице ВК [2017]]
- (30) *Моя жена — моя вторая половина. Не просто личность, которая соблюдает придуманные другими мужчинами правила. Некоторые из этих мужчин думали, что Земля **была** плоской и что Солнце **вращалось** вокруг Земли.* [К. Леписте. Обратная сторона монеты (2016)]

Если заменить настоящее время на прошедшее (ср. примеры (27а) и (27б)), то информация будет восприниматься опровергнутой наукой впоследствии. Другими словами, говорящий употребляет прошедшее время, чтобы подчеркнуть, что он считает информацию неактуальной.

В примере (28а) подчеркивается, что информация ложная, что люди считали так в Средние века и что мы сейчас так не считаем. Если заменить прошедшее время на настоящее (28б), то будет неясно, истинно ли это утверждение сейчас или ложно, т. к. настоящее время не передает отношения говорящего к информации.

Интересно, что в примере (29) информация истинная, но блогер не согласен с ее подачей, с тем, как этот факт преподается в школе. Он выражает свое презрительное отношение к ложным, с его точки зрения, историческим истинам и ставит под сомнение причины, по которым сожгли Джордано Бруно, используя прошедшее время, а не нейтральное настоящее.

В примере (30) речь идет о рассуждениях мужа о браке, о том, что «нужно забыть все созданные обществом стереотипы о браке и строить его по собственному усмотрению» [там же]. При помощи прошедшего времени говорящий подчеркивает свое неуважительное отношение к мужчинам, навязывающим женщине свое видение брака и мира вообще. Прошедшее время подчеркивает презрительное отношение не только к мужчинам прошлого, которые в прямом смысле считали, что Солнце вращается вокруг Земли, но и к мужчинам настоящего, которые придерживаются ложного «сложившегося мнения о том, какими должны быть брак, муж или жена» [там же]; это мнение представляется автору таким же абсурдным, как и то, что Солнце вращается вокруг Земли.

Разновидностью несогласия с представляемой информацией является также нежелание говорящего или персонажа отвечать на вопрос собеседника. В этом случае при нежелании прямо отвечать на вопрос, можно прибегнуть к отговорке. В качестве примера представим ситуацию, когда женщина рассказывает своей близкой подруге о том, как она провела вечер на официальном приеме, когда все танцевали, а ей танцевать не хотелось (31а):

(31а) *Он спросил меня, почему я не танцевала. Я отвечала, что не могла соперничать с таким замечательным танцором, как он.*

В этом примере прошедшее время создает впечатление, что истинная причина того, что женщина не танцевала, совсем не та, которую она дает мужчине, но что подруге известно истинное положение дел. Может быть, женщина не умела танцевать и не хотела в этом признаться, может быть, не хотела по определенным причинам танцевать с этим человеком.

Если в этом примере заменить прошедшее время на настоящее, подтекст исчезает и становится не ясно, истинна ли причина отказа или ложна:

(31б) *Он спросил меня, почему я не танцевала. Я отвечала, что не могу соперничать с таким замечательным танцором, как он.*

В примере (32) также усматривается нежелание персонажа отвечать на вопрос. Он не отвечает прямо, следили ли за ним, а отговаривается, что не выезжал из Женевы. Неизвестно, правда ли это и, если за ним и не следили в России, делали ли это в Женеве.

(32а) *Татаров не подозревал ничего. [...] Приходил ко мне на дом и много расспрашивал о боевой организации. Я не отвечал, ссылаясь на профессиональную тайну. [...] Он несколько раз спрашивал, следили ли за мной в России. Я отвечал, что давно не выезжал из Женевы. [Б. В. Савинков (В. Ропшин). Воспоминания террориста (1909)]*

(32б) *Татаров не подозревал ничего. Приходил ко мне на дом и много расспрашивал о боевой организации. Я не отвечал, ссылаясь на профессиональную тайну. Он несколько раз спрашивал, следили ли за мной в России. Я отвечал, что давно не выезжаю из Женевы.*

Настоящее время (32б) подчеркнет истинность высказывания: «не выезжаю и не хочу выезжать».

Если мы вернемся теперь к примеру (21), в котором К. Симонов разговаривает с директором японской школы, не желавшим отвечать на его вопросы, то мы увидим, что настоящее время (*капитуляцию рассматривает* не как наказание за агрессию, а как несчастье) обозначает факты, а прошедшее (*войне он сочувствовал, считал ее справедливой и соответственно этому учил детей*) представляется Симонову отговоркой, а не истинными ощущениями директора.

Другими словами, сочувствие директора войне, ее справедливость и тот факт, что именно этому он учил детей, кажется Симонову поверхностными, в то время как «рассмотрение» капитуляции как несчастья — истинным ощущением директора. Что же касается глагола *относился*, то прошедшее время подчеркивает в этом случае как раз то, что вопрос Симонова касался субъективного отношения директора к войне.

4.4. Неуверенность в достоверности информации или отчуждение источника

Иногда прошедшее время может выражать неуверенность говорящего в достоверности сообщаемой с чужих слов информации или отчуждение источника (т. е. ‘я сообщаю с чужих слов и это значит, что мое мнение не обязательно совпадает с подаваемой информацией’):

- (33) *Пресс-служба президента Польши сообщила, что Лех Качиньский **намередвался** обсудить со своим литовским коллегой «программу расширения энергетических связей между Польшей, Литвой, Латвией и Эстонией, а также значение Игналинской АЭС для снижения зависимости региона от поставок энергоносителей из России».* [Кирилл Зубков. Польша ищет союзников (2008)]

В этом примере сообщается информация, полученная из польской пресс-службы. Автор этой информации не опровергает ее, но и не берет на себя ответственность за ее достоверность.

Рассмотрим следующие примеры:

- (34a) *На мои расспросы о Гейзенберге Зубр отвечал, что **вряд ли** Гейзенберг и его окружение **старались** сделать бомбу, **не похоже**.* [Даниил Гранин. Зубр (1987)]
- (34б) *На мои расспросы о Гейзенберге Зубр отвечал, что **вряд ли** Гейзенберг и его окружение **стараются** сделать бомбу, **не похоже**.*
- (35a) *На мои расспросы о Гейзенберге Зубр отвечал, что **уверен**, что Гейзенберг и его окружение **старались** сделать бомбу.*
- (35б) *На мои расспросы о Гейзенберге Зубр отвечал, что **уверен**, что Гейзенберг и его окружение **стараются** сделать бомбу.*

В примере (34а), в котором главный персонаж Зубр не уверен в истинности информации (что подчеркивается лексически: *вряд ли, не похоже*), можно поменять контекст на (35а), при котором он окажется уверен в ней (при помощи *уверен, что*). В обоих случаях, при уверенности или неуверенности в заявляемой информации, прошедшее время (*старались*) отражает либо отношение говорящего (а не персонажа) к истинности информации, либо отчуждение источника говорящим. В примерах (34а) и (35а) можно заменить прошедшее время на настоящее (34б) и (35б). При этом употребление настоящего времени более естественно, если автор присоединяется к мнению источника.

Это подтверждается также примером (36а), где говорящий не заявляет о том, что разделяет точку зрения журналистов. В примере (36б) ситуация другая, настоящее время подчеркивает то, что говорящий принимает подачу информации журналистами:

(36а) *Так, журналисты сообщали, что арестованные **были** выходцами из Средней Азии и радикальными исламистами, убивающими водителей для тренировки, из чувства религиозной нетерпимости.* [Вехи года. «Русский репортер» (2014)]

(36б) *Так, журналисты сообщали, что арестованные — выходцы из Средней Азии и радикальные исламисты, убивающие водителей для тренировки, из чувства религиозной нетерпимости.*

Особым частным случаем неуверенности в достоверности информации является информация, представляющая собой результат воспоминаний (37) или снов (см. об этом на материале других языков, например, [Giorgi, Pianesi 2001]):

(37) *«В ящике письменного стола, — сказал я, — лежала большая фотография, где я на руках у моей матери. Мне, наверное, было меньше года». Пассажир сказал: «[...] ... А более позднее?» — Я ответил, что **была** еще карточка, на которой я был снят во весь рост, в бархатном костюмчике и с бантом на шее.* [Борис Хазанов. Дорога. (2001)]

Прошедшее время выражает здесь локализацию ситуации в воспоминаниях о прошлом, хотя она может действительно существовать и в настоящем (карточка где-то есть и сейчас).

4.5. Модальные глаголы

Эвиденциальность может быть выражена при помощи модальных глаголов. Модальные глаголы со значениями ‘мочь’ или ‘долженствовать’ в прошедшем времени могут использоваться для передачи сведений, известных из некоторого источника. Они могут выражать прямую эвиденциальность (38) или косвенную (39), (7).

В примере (38а) прямая эвиденциальность, выраженная глаголом *предполагал*, обусловлена прошедшим временем *мог*, несущим дополнительную информацию ‘думал, что не может’. В примере же (38б) эвиденциальность отсутствует, так как глагол *может* передает информацию ‘не знал, что может’.

(38а) *Теперь только и спохватился студент: он совершенно не предполагал, что его старший друг мог болеть столь долго, — у меня и в мыслях не было, что он еще не вернулся домой.* [Анатолий Ким. Белка. (1984)]

(38б) *Теперь только и спохватился студент: он совершенно не предполагал, что его старший друг может болеть столь долго, — у меня и в мыслях не было, что он еще не вернулся домой.*

Особенностью модальных глаголов является выражение косвенной эвиденциальности (39а), (7). В примере (39а) глагол *хотели* допустимо интерпретировать следующим образом: ‘сказали, что хотят’.

(39а) — *Заявления в партию есть? — спросил Костромин [...]. Ермолук ответил, что несколько человек хотели вступить в партию, но у них пока нет рекомендаций.* [А. А. Бек. В последний час (1942)]

Если заменить в этом примере прошедшее время на настоящее (39б), то глагол *хотят* теряет эвиденциальную окраску и интерпретируется ‘знаю, что хотят’:

(39б) *Ермолук ответил, что несколько человек хотят вступить в партию, но у них пока нет рекомендаций.*

Вернемся теперь к примеру (7), о котором шла речь в начале статьи. В этом примере *должен* был спонтанно интерпретируется следующим образом: ‘сказал, что (погуляет)’. Если заменить

прошедшее время на настоящее, исчезнет идея 'сказал, что' и останется значение долженствования (например, он всегда гуляет с собакой, значит должен гулять и сегодня).

5. Выводы

Я надеюсь, что эти два примера нестандартного употребления прошедшего времени (эвиденциальность и дезиративные глаголы) показали целесообразность описания временных и таксисных категорий в дискурсивном ракурсе, а также целесообразность рассмотрения порядка следования действий в соотношении не только с относительным временем, но и с абсолютным.

Прошедшее время может грамматически выражать эвиденциальность в русском языке, при этом оно не является обязательным. Грамматическое выражение эвиденциальности при одновременности глагола прошедшего времени пропозициональной установки и глагола придаточного является маркированным в русском языке. Прошедшее время выражает оценку самой информации и/или ее источника говорящим. Прошедшее время в этом случае является абсолютным и имеет дейктическую природу. Немаркированным выступает настоящее время, выражающее действие придаточного как нейтральный факт. Оно в этом случае выступает как время относительное и имеет таксисную природу.

Модальность является общей характеристикой двух рассмотренных случаев эпистемического восприятия действий, т. к. включает в себя значение субъективности и подразумевает наличие оценки подаваемой информации говорящим.

Литература

- Бондарко 2015 — А. В. Бондарко Глагольный вид: система и среда // Р. Беннакьо (отв. ред.). Глагольный вид: грамматическое значение и контекст. *Die Welt der Slaven — Sammelbände. Bd. 56.* München; Berlin; Washington, D.C.: Verlag Otto Sagner, 2015. С. 117–130.
- Козинцева 2007а — Н. А. Козинцева. Типология категории засвидетельствованности // В. С. Храковский (отв. ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб.: Наука, 2007. С. 13–36.
- Козинцева 2007б — Н. А. Козинцева. Связи засвидетельствованности с другими семантическими категориями // В. С. Храковский (отв. ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб.: Наука, 2007. С. 37–46.

- Козинцева 2007в — Н. А. Козинцева. Косвенный источник информации в высказывании (на материале русского языка) // В. С. Храковский (отв. ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб.: Наука, 2007. С. 85–103.
- Падучева 2010 — Е. В. Падучева. Семантические исследования. М.: Языки славянской культуры, 2010.
- Храковский 2007 — В. С. Храковский. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // В. С. Храковский (отв. ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб.: Наука, 2007. С. 600–632.
- Храковский 2009 — В. С. Храковский. Таксис: семантика, синтаксис, типология // В. С. Храковский (отв. ред.). Типология таксисных конструкций. М.: Знак, 2009. С. 11–113.
- Altshuler 2008 — D. Altshuler. Narrative effects in Russian indirect reports and what is relevant about the meaning of the past tense // T. Friedman, I. Saroshi (eds.). Proceedings of SALT 18. Ithaca: CLC Publications, 2008. P. 19–36.
- Barentsen 1996 — A. Barentsen. Shifting points of orientation in Modern Russian: Tense selection in reported perception // Th. Janssen, W. van der Wurff (eds.). Reported speech. Amsterdam: Benjamins, 1996. P. 15–55.
- Bertonneau, Kleiber 1997 — A.-M. Bertonneau, G. Kleiber. Subordination et temps grammaticaux: l'imparfait en discours indirect // Le Français moderne. 1997. № 2. P. 113–139.
- De Mulder 2012 — W. De Mulder. Un sens épistémique pour l'imparfait et le passé simple // Langue française. 2012. № 173. P. 99–112.
- Frege 1956 — G. Frege. The thought: a logical inquiry // Mind. 1956. Vol. 65. № 259. P. 289–311.
- Giorgi, Pianesi 2001 — A. Giorgi, F. Pianesi. Imperfect dreams: the temporal dependencies of fictional predicates // Probus. 2001. Vol. 13. Iss. 1. P. 31–68.
- Guiraud-Weber 2004 — M. Guiraud-Weber. Le verbe russe: temps et aspect. Marseille: Publications de l'Université de Provence, 2004.
- Hacquard 2006 — V. Hacquard. Aspects of Modality. Ph. D. thesis, Massachusetts Institute of Technology. Cambridge, Massachusetts, 2006.
- Kleiber 1993 — G. Kleiber. Lorsque l'anaphore se lie aux temps grammaticaux // C. Vetters (éd.). Le temps, de la phrase au texte. Villeneuve d'Ascq: Presses Universitaires de Lille, 1993. P. 117–166.
- Milliaressi 2015 — T. Milliaressi. Aspects et temporalité. Villeneuve d'Ascq: Presses Universitaires du Septentrion, 2015.
- Milliaressi 2018 — T. Milliaressi. Семантические примитивы категории времени // T. Milliaressi (éd.). La relation temps / aspect: approches typologique et contrastive. Villeneuve d'Ascq: Éditions du Conseil Scientifique de l'Université de Lille. 2018. № 3. P. 25–31.

- Milliaressi, Vogeleeer 2015 — T. Milliaressi, S. Vogeleeer. Aspectualité et modalité: entre le lexique et la grammaire // T. Milliaressi, S. Vogeleeer (éds.). Aspectualité et modalité lexicales. Lexique 22. Villeneuve d'Ascq: Presses Universitaires du Septentrion, 2015. P. 7–21.
- Palmer 1986 — F. R. Palmer. Mood and Modality. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- van der Auwera, Plungian 1998 — J. van der Auwera, V. Plungian. Modality's semantic map // Linguistic Typology. 1998. Vol. 2. P. 79–124.
- Vogeleeer 1994 — S. Vogeleeer. L'accès perceptuel à l'information: à propos des expressions « un homme arrive — on voit arriver un homme » // Langue française. 1994. № 102. P. 69–83.

Источники

- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения 24.12.2019).

References

- Altshuler 2008 — D. Altshuler. Narrative effects in Russian indirect reports and what is relevant about the meaning of the past tense. T. Friedman, I. Saroshi (eds.). *Proceedings of SALT 18*. Ithaca: CLC Publications, 2008. P. 19–36.
- Barentsen 1996 — A. Barentsen. Shifting points of orientation in Modern Russian: Tense selection in reported perception. Th. Janssen, W. van der Wurff (eds.). *Reported speech*. Amsterdam: Benjamins, 1996. P. 15–55.
- Bertonneau, Kleiber 1997 — A.-M. Bertonneau, G. Kleiber. Subordination et temps grammaticaux: l'imparfait en discours indirect. *Le Français moderne*. 1997. No. 2. P. 113–139.
- Bondarko 2015 — A. V. Bondarko. Glagolnyy vid: sistema i sreda [Verbal aspect: system and environment]. R. Benacchio (ed.). *Glagolnyy vid: grammaticheskoe znachenie i kontekst* [Verbal aspect: grammatical meaning and context]. Die Welt der Slaven — Sammelbände. Bd. 56. München; Berlin; Washington, D.C.: Verlag Otto Sagner, 2015. P. 117–130.
- De Mulder 2012 — W. De Mulder. Un sens épistémique pour l'imparfait et le passé simple. *Langue française*. 2012. No. 173. P. 99–112.
- Frege 1956 — G. Frege. The thought: a logical inquiry. *Mind*. 1956. Vol. 65. No. 259. P. 289–311.
- Giorgi, Pianesi 2001 — A. Giorgi, F. Pianesi. Imperfect dreams: the temporal dependencies of fictional predicates. *Probus*. 2001. Vol. 13. Iss. 1. P. 31–68.
- Guiraud-Weber 2004 — M. Guiraud-Weber. Le verbe russe: temps et aspect. Marseille: Publications de l'Université de Provence, 2004.

- Hacquard 2006 — V. Haquard. Aspects of Modality. Ph. D. thesis, Massachusetts Institute of Technology. Cambridge, Massachusetts, 2006.
- Khrakovsky 2007 — V. S. Khrakovsky. Evidentsialnoct, epistemicheskaya modalnost, (ad)mirativnost [Evidentiality, epistemic modality, (ad)mirativity]. V. S. Khrakovsky (ed.). *Evidentsialnost v yazykakh Evropy i Azii* [Evidentiality in the languages of Europe and Asia]. St. Petersburg: Nauka, 2007. P. 600–632.
- Khrakovsky 2009 — V. S. Khrakovsky. Taksis: semantika, sintaksis, tipologiya [Taxis: semantic, syntax, typology]. V. S. Khrakovsky (ed.). *Tipologiya taksisnykh konstruktivnykh* [The typology of taxis constructions]. Moscow: Znack, 2009. P. 11–113.
- Kleiber 1993 — G. Kleiber. Lorsque l’anaphore se lie aux temps grammaticaux. C. Vetters (éd.). *Le temps, de la phrase au texte*. Villeneuve d’Ascq: Presses Universitaires de Lille, 1993. P. 117–166.
- Kozintseva 2007a — N. A. Kozintseva. Tipologiya kategorii zasvidetelstvovanosti [The typology of evidentiality]. V. S. Khrakovsky (ed.). *Evidentsialnost v yazykakh Evropy i Azii* [Evidentiality in the languages of Europe and Asia]. St. Petersburg: Nauka, 2007. P. 13–36.
- Kozintseva 2007b — N. A. Kozintseva. Svyazi zasvidetelstvovanosti s drugimi semanticheskimi kategoriyami [Evidentiality and other semantic categories]. V. S. Khrakovsky (ed.). *Evidentsialnost v yazykakh Evropy i Azii* [Evidentiality in the languages of Europe and Asia]. St. Petersburg: Nauka, 2007. P. 37–46.
- Kozintseva 2007c — N. A. Kozintseva. Kosvennyy istochnik informatsii v vyskazyvanii [Indirect source of information]. V. S. Khrakovsky (ed.). *Evidentsialnost v yazykakh Evropy i Azii* [Evidentiality in the languages of Europe and Asia]. St. Petersburg: Nauka, 2007. P. 85–103.
- Milliaressi 2015 — T. Milliaressi. Aspects et temporalité. Villeneuve d’Ascq: Presses Universitaires du Septentrion, 2015.
- Milliaressi 2018 — T. Milliaressi. Semanticheskie primitivy kategorii vremeni [Semantic primitives of the category of time]. T. Milliaressi (éd.). *La relation temps / aspect: approches typologique et contrastive*. Villeneuve d’Ascq: Éditions du Conseil Scientifique de l’Université de Lille. 2018. No. 3. P. 25–31.
- Milliaressi, Vogeleer 2015 — T. Milliaressi, S. Vogeleer. Aspectualité et modalité: entre le lexique et la grammaire. T. Milliaressi, S. Vogeleer (éds.). *Aspectualité et modalité lexicales*. Lexique 22. Villeneuve d’Ascq: Presses Universitaires du Septentrion, 2015. P. 7–21.
- Paducheva 2010 — E. V. Paducheva. Semanticheskie issledovaniya [Semantic studies]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2010.
- Palmer 1986 — F. R. Palmer. Mood and Modality. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

Van der Auwera, Plungian 1998 — J. van der Auwera, V. Plungian. Modality's semantic map. *Linguistic Typology*. 1998. No. 2. P. 79–124.

Vogeleer 1994 — S. Vogeleer. L'accès perceptuel à l'information: à propos des expressions *un homme arrive — on voit arriver un homme*. *Langue française*. 1994. No. 102. P. 69–83.

Sources

NKRYa — Natsionalnyi korpus russkogo yazyka [The national corpus of Russian language]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed on 24.12.2019).